
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

МУЗЕЯЗНАУСТВА

MUSEOLOGY

УДК 069:351.853«1917/1929»

К ИСТОРИИ МУЗЕЕФИКАЦИИ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА В КОНЦЕ 1920-х гг.¹

В. Г. АНАНЬЕВ¹⁾

¹⁾Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается начальный этап музеефикации одного из наиболее значительных памятников Санкт-Петербурга – Исаакиевского собора, построенного в 1818–1858 гг. по проекту архитектора О. Монферрана. После Октябрьской революции собор оставался действующим, богослужения проводились в нем вплоть до 1928 г., однако уже с середины 1920-х гг. государственные органы начали предпринимать попытки музеефикации собора. На основании документов из ряда архивов Санкт-Петербурга восстанавливается история превращения действующего собора в музей. Установлено, что община верующих должна была следить за состоянием собора и проводить за свой счет реставрационные работы, чего она делать не могла, к середине 1920-х гг. состояние собора стало плачевным. Именно это послужило началом процесса музеефикации собора. Констатируется, что первый экспозиционный план для собора был разработан уже в 1928 г., он предполагал проведение в помещении собора выставки, посвященной истории его строительства и особенностям внутреннего убранства. Академический характер выставки вызвал ряд нареканий со стороны государственных деятелей, однако экспонаты, привезенные из других учреждений, стали основой для создания в соборе исторической экспозиции.

Ключевые слова: Исаакиевский собор; музей; памятник; О. Монферран.

¹Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00367).

Образец цитирования:

Ананьев В. Г. К истории музеефикации Исаакиевского собора в конце 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;1:102–112.

For citation:

Ananiev V. G. Towards the history of museumification of St. Isaac Cathedral in the end of 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;1:102–112. Russian.

Автор:

Виталий Геннадьевич Ананьев – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры музейного дела и охраны памятников.

Author:

Vitaly G. Ananiev, PhD (history); senior lecturer at the department of museum work and preservation of monument. v.ananev@spbu.ru

ДА ГІСТОРЫІ МУЗЕЕФІКАЦЫІ ІСАКІЕЎСКАГА САБОРА Ў КАНЦЫ 1920-х гг.

В. Г. АНАНЬЕЎ^{1*}

^{1*}*Інстытут філасофіі Санкт-Пецяярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта,
Мендзялееўская лінія, 5, 199034, г. Санкт-Пецяярбург, Расія*

Разглядаецца пачатковы этап музеіфікацыі аднаго з найбольш значных помнікаў Санкт-Пецяярбурга – Ісакіеўскага сабора, пабудаванага ў 1818–1858 гг. па праекце архітэктара А. Манферана. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі сабор заставаўся дзеючым, набажэнствы праводзіліся ў ім аж да 1928 г., аднак ужо з сярэдзіны 1920-х гг. дзяржаўныя органы пачалі прадпрымаць спробы музеіфікацыі сабора. На падставе дакументаў з шэрагу архіваў Санкт-Пецяярбурга аднаўляецца гісторыя пераўтварэння дзеючага сабора ў музей. Высветлена, што абшчына вернікаў павінна была сачыць за станам сабора і праводзіць за свой кошт рэстаўрацыйныя работы, чаго яна зрабіць не магла, к сярэдзіне 1920-х гг. стан сабора стаў дрэнным. Канстатуецца, што першы экспазіцыйны план для сабора быў распрацаваны ўжо ў 1928 г., ён прадугледжваў правядзенне ў памяшканні сабора выставы, прысвечанай гісторыі яго будаўніцтва і асаблівасцям унутранага ўбранства. Акадэмічны характар выставы выклікаў шэраг нараканняў з боку дзяржаўных дзеячаў, аднак экспанаты, прывезеныя з іншых устаноў, сталі асновай для стварэння ў саборы гістарычнай экспазіцыі.

Ключавыя словы: Ісакіеўскі сабор; музей; помнік; А. Манферан.

TOWARDS THE HISTORY OF MUSEUMIFICATION OF St. ISAAC CATHEDRAL IN THE END OF 1920s

V. G. ANANIEV^a

^a*Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya Liniya, Saint Petersburg 199034, Russia*

The article is devoted to the early period of museumification of one of the most significant monuments of St. Petersburg – St. Isaac's Cathedral, built in 1818–1858 by architect A. Montferrand. After the October Revolution this cathedral was used for religious services. The services were held there until 1928, however, since the mid-1920s public authorities are beginning to attempt museumification of cathedral. On the basis of documents from few archives of St. Petersburg, the author recovers the history of this transformation of the cathedral into a museum. The community of believers was to monitor the status of the cathedral and to conduct its own expense restoration work. It could not do it, and by the mid-1920s cathedral was in poor condition. This was the reason to begin the process museumification. The first exhibition plan for the cathedral was designed already in 1928. He assumed the holding in the cathedral exhibition dedicated to the history of its construction and interior decoration. The academic nature of the exhibition has caused a number of complaints on the part of government officials. But the exhibits brought to the cathedral from other institutions, became the basis for the creation of historical exposition here later.

Key words: museum; monument; St. Isaac Cathedral; A. Montferrand.

Исаакиевский собор по праву считается одним из интереснейших архитектурно-художественных памятников Санкт-Петербурга. Он начал привлекать внимание историков уже вскоре после своего освящения в 1858 г. Первые работы по истории создания собора появились во второй половине XIX в. Однако, как показывают новейшие исследования, обращение к архивным материалам позволяет уточнить и по-новому взглянуть на отдельные страницы истории строительства, оформления и бытования памятника [1; 2]. Особенно слабо в историографии изучен период музеификации собора, пришедшийся на 1920–30-е гг. В настоящей работе на основании материалов нескольких архивохранилищ Санкт-Петербурга постараемся показать, как проходил процесс музеификации и фор-

мировались основы выставочной деятельности Исаакиевского собора.

Октябрьская революция 1917 г. и декрет от 1918 г. об отделении церкви от государства положили начало новому периоду истории собора. В 1919 г., после того как были выработаны основы взаимоотношений нового советского государства и религиозных общин, начался процесс оформления прав пользования собором верующими. Был составлен договор между общиной верующих и Петроградским советом расчетно-контрольной комиссии, по которому собор признавался переданным под управление общины при условии выполнения ею ряда условий. К числу таковых относились обязательства со стороны общины беречь все переданное ей имущество, оплачивать все текущие рас-

ходы по содержанию здания, нести материальную ответственность за порчу или потерю предметов². На протяжении следующих нескольких лет данный договор продлевался, заключался заново с новой так называемой двадцаткой, представлявшей верующих, и в соборе осуществлялись богослужения³. Причем в марте 1923 г. собор перешел в ведение обновленцев – одного из течений православия, стремившегося активно сотрудничать с новой властью [3, с. 62].

В начале 1925 г. для обследования состояния собора была составлена особая комиссия, в которую вошли представители Главнауки, Академии истории материальной культуры (далее – АИМК), реставрационных мастерских и других учреждений. Комиссия выявила плачевное состояние памятника⁴. Ленинградское отделение (далее – ЛО) Главнауки 9 июня 1925 г. направило двадцатке собора письмо с предложением срочно начать ремонтные работы, если же «двадцатка в течение 2-х недель не приступит к вышеуказанному ремонту собора, Ленинградское отделение Главнауки возбудит вопрос о расторжении договора и взыскании через суд расходов, связанных с ремонтом собора»⁵. Однако никаких результатов это обращение не принесло. Более того, стало известно, что представители новой двадцатки берут плату за подъем на колоннаду собора («вышку» – по терминологии тех лет), при этом полученные средства также не идут на реставрационные работы⁶.

Вероятно, эта активизация властных структур может быть связана с общим политическим курсом того времени, логичным завершением которого стало принятие 30 ноября 1925 г. ВЦИК, СНК РСФСР декрета «О порядке распределения национализированных и муниципализированных строений и о порядке пользования таковыми». В соответствии с ним с 1 декабря 1925 г. собор признавался национализированным и переданным в ведение ЛО Главнауки [3, с. 63].

В начале 1926 г. в рамках ЛО Главнауки была создана специальная комиссия по национализации памятников, работавшая несколько месяцев. Двадцатка собора в ответ на требование предоставить страховые документы на здание заявила, что «самое здание собора в хозяйств. отношении находится в ведении Главнауки, которая и несет все

расходы по страховке, охране, налогам и т. под.»⁷. Это являлось прямым нарушением договора, заключенного в 1919 г. и затем обновлявшегося несколько раз.

В январе 1927 г. в президиум исполнительного комитета совета Центрального района было направлено заключение юрисконсульта о правомочности расторжения договора и закрытии храма для богослужений в целях организации в нем музея. Отмечалось, что двадцатка «отношением к арендованному имуществу доказала свою полную несостоятельность в проявлении должной заботливости о надлежащем сохранении вверенного ей ценного художественного и исторического имущества»⁸. При этом оговаривалось, что «многолетний опыт передачи храмов в пользование группам верующих доказал полную несостоятельность последних в части содержания собора в надлежащем порядке и сохранности», а «ввиду малочисленности прихода и наличия по близости другого храма того же обновленческого течения (церк. Благовещения на пл. Труда) религиозные интересы верующих не пострадают, ибо они смогут пользоваться для богослужений соседним храмом»⁹.

Президиум исполкома, а затем и сам исполком подтвердили решение о расторжении договора с двадцаткой и передаче собора Главнауке¹⁰. Однако на этом спор не завершился. В апреле 1927 г. верующие отправили во ВЦИК РСФСР ходатайство об отмене решения. Ходатайство подписали 2000 прихожан собора. Впрочем, вскоре выяснилось, что «подписи верующих собирались из районов, не прилегающих к Собору, и в большинстве имеются расписки одной рукой, а также в списке подписей имеются лица, не достигшие 18-летнего возраста»¹¹. Аргументация церковной двадцатки вполне соответствовала духу времени. Авторы ходатайства заявляли, что удовлетворение их обращения «явится еще одним несомненным и веским доказательством действительного проведения в жизнь сов. властью свободы и уважения к личности гражданина и борьбы правительства с религией в духе заветов В. И. Ленина... лишь идейным и только идейным путем» [3, с. 65]. Президиум ВЦИК РСФСР 25 июля 1927 г. действительно удовлетворил ходатайство верующих. Однако состояние собора от этого не улучшилось. Так, например, еще в 1926 г.

² ЦГА СПб. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 56. Оп. 4. Д. 9. Л. 104.

³ Там же. Л. 163, 197.

⁴ Окунев С. Н. Документы по истории создания музея «Исаакиевский собор»: науч. справка. Ч. 1. 1918–1928 гг. // Библиотека ГМП «Исаакиевский собор». Спб 1992. Л. 15.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 10. Л. 77; здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. – В. А.

⁶ Там же. Л. 113.

⁷ Там же. Л. 234.

⁸ Там же. Л. 299.

⁹ Там же. Л. 300.

¹⁰ Окунев С. Н. Документы по истории создания музея «Исаакиевский собор». Л. 18–19.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 11. Л. 79.

на панель рядом со зданием упал гранитный модульон собора весом в 12 пудов¹². Явно не помогли и новые структурные преобразования: в сентябре 1927 г. СНК РСФСР, решив создать объединение петергофских дворцов-музеев, включил в состав, помимо собственно петергофских дворцов, также Ораниенбаум, дворцы в Гатчине и на Елагином острове Ленинграда и, по неясным причинам, Исаакиевский собор¹³. Через несколько недель последний был выведен из состава этого объединения.

Новой комиссией 8 октября 1927 г. был составлен очередной акт «О катастрофическом положении Исаакиевского собора», в котором уже отмечалась необходимость проведения серьезных реставрационных работ¹⁴. Подготовлены были соответствующие сметы, предполагавшие расходы на отливку и установку похищенных в 1926 г. листов, бронзовых частей наружных дверей, укрепление раствором каменной мраморной облицовки, закрепление отваливающихся частей фигур апостолов и т. д.¹⁵ Необходимы были и серьезные работы по реставрации гранитных колонн портиков собора, предполагавшие изготовление и установку многочисленных вставок¹⁶. Вероятно, в связи с этим 15 октября 1927 г. собор Главнаукой был передан Ленинградским государственным реставрационным мастерским (далее – ЛГРМ), располагавшимся в помещении Мраморного дворца¹⁷.

После повторного ходатайства со стороны Главнауки президиум ВЦИК РСФСР 18 июня 1928 г. решил все же оставить здание собора в исключительном пользовании Главнауки в качестве музейного памятника¹⁸. Договор с верующими был расторгнут, а 16 июля ликвидировали и саму двадцатку собора [3, с. 66]. Встал вопрос об организации музея. В литературе есть указания на то, что уже в 1928 г. к разработке концепции музейного использования собора были привлечены идеологический отдел Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся ВКП(б) и Союз воинствующих безбожников [4, с. 4]. Вероятно, однако, это утверждение было перенесением на ранний этап реальных более позднего времени.

Скорее всего, первым, кто попытался предложить возможные пути развития выставочной деятельности новосозданного музея, стал хранитель и архитектор Исаакиевского собора-музея архитектор-художник Н. П. Никитин, который после

передачи собора ЛГРМ был назначен на должность старшего эксперта мастерских¹⁹. Им была составлена краткая программа обзора памятника, включавшая в себя четыре основных пункта.

Первый заключался в осмотре экспонатов, относящихся к построению собора (история построения в моделях, чертежах, пояснительных записках и прочем, характеризующая организацию работ и экономическое положение рабочих; художественная часть, связанная с людьми, строившими и украшавшими собор; модели третьего и четвертого Исаакиевских соборов (проекты А. Ринальди и О. Монферрана); техническая часть, относящаяся к забиванию свай, транспортировке материалов, установке колонн и т. д.).

Второй пункт предполагал осмотр внутренней архитектуры собора, его живописи и скульптуры. Третий – осмотр наружных фасадов с подробным ознакомлением с их архитектурой и скульптурой. Наконец, четвертый носил название «Вышка собора как исходная точка для ознакомления с планом гор. Ленинграда и его окрестностей». При этом решались и такие вопросы, как «расширение сети фабрик и заводов, рабочие поселки. Развитие сети путей сообщения»²⁰. Вероятно, этот план был составлен вскоре после принятия решения о закрытии собора для богослужений, поскольку 4 января 1929 г. Н. П. Никитин, отчитываясь о проделанной работе по организации выставки, вспоминал, что план организации музея был передан им лично комиссару музеев Г. С. Ятманову летом 1928 г.²¹

При этом надо отметить, что, когда перед ЛГРМ встал вопрос об организации музея, а не просто о сохранении памятника, они попытались избавиться от этой не вполне профильной для себя задачи. ЛГРМ 5 ноября 1928 г. сообщали в Главнауку, что все работы в соборе произведены, а при организации выставки он должен стать самостоятельной музейной единицей. Роль мастерских должна сводиться лишь к «научно-техническому наблюдению за этим памятником в лице должностного остатка при Собрании архитектора»²². В случае если выделение собора в самостоятельную музейную единицу окажется невозможным, мастерские предлагали присоединить его к какой-либо иной родственной музейной организации (например, историко-бытовому отделу Русского музея), «учитывая большое значение будущего музея-собора при наличии материальной базы, каковой является

¹²ЦГАЛИ СПб. (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга). Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹³Собрание узаконений и распоряжений СНК РСФСР. 1927. 19 дек. Ст. 822.

¹⁴ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 11. Л. 211.

¹⁵ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

¹⁶Там же. Л. 4–5, 9–10.

¹⁷ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 11. Л. 248 ; ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

¹⁸ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 11. Л. 314.

¹⁹ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

²⁰Там же. Л. 8–8 об.

²¹Там же. Д. 4. Л. 3.

²²Там же. Л. 4 об.

вышка Исаакиевского собора»²³. Глава ЛО Главнауки Б. П. Позерн предложил Г. С. Ятманову выяснить, существует ли такая возможность, но это ни к чему не привело²⁴.

Специальное совещание по вопросу организации музея состоялось 11 ноября 1928 г., на нем и был заслушан доклад Н. П. Никитина о плане временной выставки, призванной стать первым шагом на пути создания музея в соборе. Председательствовал на совещании П. А. Всеволожский – заместитель заведующего ЛГРМ, присутствовали директор Музея революции М. Б. Каплан, представители Центральной экскурсионной базы Н. С. Черешков и Заряно, заведующий Петергофским дворцом-музеем Н. И. Архипов и сам Н. П. Никитин. План, предложенный Н. П. Никитиным, был одобрен. Причем Н. С. Черешков отметил, что «интерес к Исаакиевскому собору со стороны экскурсантов чрезвычайно велик»²⁵, а Н. И. Архипов подчеркнул важность вопроса о соборе «как памятнике, служившем поддержанию идеи царизма»²⁶. М. Б. Капланом было высказано мнение о том, что необходимо «учесть преобладание интереса к бытовой стороне памятника, в связи с чем очень важно в экспонатах показать прошлую жизнь памятника как здания культа»²⁷. В этом его поддержал П. А. Всеволожский.

Судя по всему, к этому моменту работа над организацией выставки шла уже достаточно активно. Были осуществлены ремонт и переустройство электропроводки в соборе. Из мозаичного отделения Академии художеств перевезли три мозаики, предназначенные для собора, но не установленные из-за начала Первой мировой войны и революции, и мозаичную палитру (17 000 тонов смальты), выставленные в экспозиции. Были распакованы, исправлены стуковкой (заделаны пустоты в схождениях) и выставлены мозаики, находившиеся в соборе, было сделано 10 щитов для развески плоскостного материала. Из музея Ленинградского института инженеров путей сообщения были доставлены и выставлены три модели. В фондах Русского музея совместно с сотрудниками и в музее Академии художеств был проведен отбор портретов сотрудников О. Монферрана, эскизов, картонов, живописи и скульптуры, связанных с собором.

Была подготовлена к доставке из Эрмитажа утварь собора (плащаницы, семисвечники), перевезенная, вероятно, в ходе действий по изъятию церковных ценностей. Однако, как это обычно и бывает в случае с межучрежденческими проектами, возникали и определенные трудности. Так, например, о чертежах О. Монферрана, хранящихся в библиотеке Ленинградского института инженеров путей сообщения, в музейных документах сказано, что библиотека их «до сих пор упорно отказывается <...> выдать»²⁸. О полихромном бюсте О. Монферрана (работа скульптора А. Фолетти) и модели лесов для установки колонн собора, переписка о передаче которых велась с Академией художеств, говорится: «Означенные предметы также упорно не выдаются»²⁹. Проще оказалось договориться с Академией истории материальной культуры (далее – АИМК), где еще в 1924 г. Т. М. Девель была завершена работа по инвентаризации архива О. Монферрана³⁰, из которого для выставки были получены чертежи и рисунки по строительству собора³¹.

Указанные работы проводились в октябре – декабре 1928 г. Из музея Ленинградского института инженеров путей сообщения 11 октября 1928 г. на два месяца были переданы в собор три модели: разрез купола, леса для установки колонн и кипарисовая модель собора «под стеклянным колпаком, на высокой подставке из красного дерева. К подставке снаружи укреплен ящик, в котором под стеклом находятся серебряные вызолоченные лопата и молоток, употреблявшиеся при закладке... собора»³². Из Ленинградской публичной библиотеки 27 октября 1928 г. были переданы 8 литографий, акварелей и планов, связанных с Исаакиевским собором, с условием вернуть их не позднее 1 февраля 1929 г.³³ Из АИМК 20 ноября 1928 г. было передано более 50 единиц графических материалов³⁴, из музея Академии художеств 17 декабря 1928 г. – портреты людей, принимавших участие в оформлении собора (П. В. Басина, Ф. А. Бруни и К. П. Брюллова), а так же бюст О. Монферрана (работа А. Фолетти)³⁵. Наконец, 22 декабря 1928 г. из Эрмитажа были переданы на полгода две медали: в память закладки третьего Исаакиевского собора в 1768 г. и наградная, вручаемая лицам, участвовавшим в постройке четвертого Исаакиевского собора³⁶.

²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 6 об.

²⁵ Там же. Д. 2. Л. 9.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 5. Вероятно, ошибка, так как модель лесов была передана из другого источника.

²⁹ Там же. Л. 5 об.

³⁰ Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1924). Д. 1. Л. 32.

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об. – 7 об.

³² Там же. Л. 14.

³³ Там же. Л. 15.

³⁴ Там же. Л. 19–21 об.

³⁵ Там же. Л. 22.

³⁶ Там же. Л. 23.

В ноябре 1928 г. был составлен план путеводителя и каталога выставки, рассчитанный на 80–90 страниц карманного формата и предполагающий обзор истории строительства здания и особенностей его убранства³⁷.

При этом архивные материалы указывают на то, что еще до завершения работы над организацией выставки и ее официального открытия музей реализовывал определенную массовую деятельность. В Исаакиевском соборе планировалось проводить инсценировки религиозных сюжетов, в связи с чем в сентябре 1928 г. в кладовую Областного финансового отдела (ОблФО) был отправлен список необходимых облачений. Они запрашивались для инсценировок на темы: «Омовение ног», «Пасхальный крестный ход», «Обряд анафематствования еретиков» и «Погребение бывших особ (царей и великих князей)». Судя по всему, инсценировки должны были быть весьма масштабными, так как только для сцены «Омовение ног» требовалось шесть полных соборных комплектов облачения священников, шесть комплектов облачения дьяконов и поддьяконов, один епископ в митре с мантией, одежды на престол, жертвенник и аналои, посох, орлецы и подушка для митрополита³⁸. Вероятно, инсценировки действительно проходили, поскольку в материалах архивного фонда музея, хранящегося в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, отложились «Опись подлежащих возвращению из кладовой ОблФО в музей “Исаакиевский собор” предметов историко-бытового значения», включающая в себя 25 позиций³⁹, и обратная «Опись подлежащих возвращению предметов»⁴⁰.

На основании докладной записки к проекту комментария первой выставки в новом музее-соборе, составленной Г. В. Стебницким и датированной январем 1929 г.⁴¹, и описи ее экспонатов (август 1929 г., около 200 единиц)⁴² можно представить, какой должна была быть эта выставка.

В качестве базовых Г. В. Стебницкий выделяет три положения выставки:

1) максимальное насыщение художественного материала его бытовым окружением и производственной частью;

2) зависимость осмотра выставки от осмотра самого собора («как бы основного экспоната»), «связывая этим самым не только первичные стадии ра-

боты (проекты) со стадией их завершения в натуре, но и с жизнью памятника как такового»⁴³;

3) включение в материал всего наиболее значимого из ведущихся на памятнике реставрационных работ.

Из каких отделов состояла выставка? Первым шел отдел истории строительства, под который отводилось пять щитов: на первом размещался материал о храмах, предшествовавших существующему собору, на втором – проекты начала XIX в.⁴⁴, на щитах с третьего по пятый были даны материалы по возведению собора, причем «верхняя полоса экспонатов, расположенная на уровне глаз зрителя, состояла бы из материалов, самих по себе показательных и потому не требующих специальных разъяснений»⁴⁵ (третий щит – фундамент и добыча камня, четвертый – колонны, пятый – мраморные работы). Завершали этот отдел материалы по реставрации памятника в настоящее время, «чертежи по работам над изучением отклонения колонн и углов собора и по нивелировке пола, в снимках ясно даны стадии сложнейшей работы по укреплению колонн»⁴⁶. В центре выставочного помещения «как основной наиболее показательный материал» были установлены модели собора (одна деревянная с еще предполагавшейся оградой и вторая, служившая, по преданию, для дополнений к проекту О. Монферрана, делавшихся Николаем I). Затем начиналась мемориальная или памятная часть выставки, которая условно называлась «Монферран и его сотрудники». В центре на деревянном постаменте возвышался бюст архитектора собора работы А. Фолетти, а по сторонам от него были развешаны на щитах портреты художников (П. В. Басина, К. П. Брюллова, Ф. А. Бруни, Ф. Я. Алексеева, В. К. Шебуева, Н. А. Майкова, А. Т. Маркова, А. А. Плюшара, О. Монферрана), установлены бюсты скульпторов (С. С. Пименова, П. К. Клодта, И. П. Витали) и художника Т. А. Неффа. Рядом находились модель купола собора на резной дубовой подставке, модель самого собора, выполненная в 1823 г., на резной подставке из красного дерева и под стеклянным колпаком, деревянная модель лесов для установки колонн портиков собора также на деревянной подставке (все модели были получены из музея Ленинградского института инженеров путей сообщения)⁴⁷.

³⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–18.

³⁸ Там же. Л. 10.

³⁹ Там же. Л. 11–11 об.

⁴⁰ Там же. Л. 12–12 об.

⁴¹ Там же. Д. 4. Л. 13–18.

⁴² Там же. Л. 26–43.

⁴³ Там же. Л. 14.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁶ Там же. Л. 15.

⁴⁷ Там же. Л. 36–37.

После этого шла художественная часть выставки, распадавшаяся на две части: живописную и мозаичную. В первой были «собраны наброски, эскизы и картоны, к которым присовокуплены проекты скульптурных украшений», предоставленные преимущественно Государственной академией истории материальной культуры (ГАИМК) и Русским музеем. Во второй, помимо мозаики, находились и «фрагменты живописи, заменяемой мозаикой, и т. наз. палитра мозаичиста». На восьмом щите (слева от западных дверей) были собраны работы Ф. А. Бруни, «на которых тут же можно проследить ход работы по росписи от рисунка карандашом, через картон, к самому фрагменту», это были композиции на тему «Видение пророка Иезекииля». На следующем щите располагались другие работы Ф. А. Бруни, эскизы Шебеува, К. П. Брюллова. На отдельном мольберте «в золоченой раме на золоченой резной подставке» находился брюлловский эскиз росписи плафона. Также планировалось, кроме рассказа о художественном творчестве Ф. А. Бруни и К. П. Брюллова, «давать характеристику тяжелых условий труда художников»⁴⁸.

Раздел мозаики начинался с группы фрагментов, «испорченных сыростью до пределов полного разрушения»⁴⁹, под которыми выставлялась мозаичная палитра, а рядом были установлены несколько мозаик (по списку августа 1929 г.), например «Голова Христа» из сцены «Бичевание»⁵⁰.

При этом следует отметить, что, скорее всего, этот вполне академичный подход к организации и подбору выставочного материала нес на себе определенную печать внешнего воздействия. Как вспоминал в январе 1929 г. глава ЛГРМ А. П. Удаленков, Народный комиссариат просвещения РСФСР потребовал, чтобы выставка отражала собор еще и как «памятник развития самодержавия на основе православия»⁵¹. Вероятно, в связи с этим проект выставки, предложенный Н. П. Никитиным, был отправлен на экспертную оценку в экскурсионно-лекторскую базу Политпросвета.

Отзыв, полученный от заведующего базой Чудакова, был не слишком благоприятным. В представленном базой документе была определена цель музея: «Вскрыть... значение Исаакиевского Собора, замечательного документа определенного этапа русской экономики и истории», как колосса на глиняных ногах, лебединой песни «государственной архитектуры императорской России». При этом подчеркивалось, что речь идет о создании музея, «отвечающего интересам современности и обще-

ственно-актуального»⁵². Авторы заключения рассматривали несколько вариантов интерпретации памятника:

- 1) исторический очерк собора;
- 2) собор как строительно-техническая конструкция;
- 3) формально-эстетический анализ сооружения (стиль в архитектуре, школа живописи и т. п.);
- 4) собор как социально-экономическая и политическая проблема (постройка собора как политический факт и фактор)⁵³.

В настоящем ее виде в выставке, по мнению авторов, реализованы были только первые три подхода, а «наиболее нужная в интересах политпросветработы часть выставки отсутствует». Как это можно было исправить? Не только дать дополнительный материал, но и предложить «социологический комментарий, дающий классовую оценку памятника по уже имеющемуся и могущему быть найденному материалу». В настоящее время, констатировали представители экскурсионно-лекторской базы, «выставка лишена основного идеологического содержания». Она будет работать, пока превращение собора в музей «представляет собой еще злостью дня, сенсацию, обеспечивающую на первых порах посещаемость этого музея», но она не сможет работать на «постоянный музей, социально значимый и обеспеченный длительным интересом широких кругов общественности»⁵⁴.

Какие элементы, по мнению оценщиков, необходимо было ввести в экспозицию? Во-первых, это анализ социально-экономических основ и условий сооружения собора (элементы экономики крепостного хозяйства в организации постройки, примитивная техника, а также прогрессивные моменты в технике и экономике, характерные для эпохи). Во-вторых, политическое значение сооружения собора (средство классового самоутверждения самодержавия и агитации за власть)⁵⁵. В-третьих, стоимость собора и ее отношение к общегосударственному бюджету. В-четвертых, собор в литературе. В-пятых, его место среди мировых памятников архитектуры. В-шестых, церковь как оружие самодержавия (синод и собор, черносотенная агитация)⁵⁶.

Как бы то ни было, к началу ноября общий очерк выставки был уже примерно понятен. Именно тогда выставку осмотрели глава ЛГРМ А. П. Удаленков и заместитель заведующего ЛО Главнауки И. И. Корель, через несколько дней А. П. Удаленков осмотрел выставку вместе с Г. С. Ятмановым. По требованию

⁴⁸ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

⁴⁹Там же. Л. 17.

⁵⁰Там же.

⁵¹Там же. Л. 4 об.

⁵²Там же. Д. 2. Л. 1.

⁵³Там же.

⁵⁴Там же.

⁵⁵Там же. Л. 2.

⁵⁶Там же. Л. 3.

последнего 19 ноября 1928 г. ему (Г. С. Ятманову) вторично под расписку был вручен план путеводаителя и каталога выставки. В ноябре Г. С. Ятманов осмотрел выставку еще раз, уже в присутствии служителя собора Поллера. Наконец, 31 декабря 1928 г. состоялся осмотр Г. С. Ятмановым законченной выставки. Как вспоминал Н. П. Никитин, «при осмотре т. Ятмановым устраиваемой мною Выставки, а также и в другое время им не было сделано мне никаких замечаний и не внесено никаких корректив как в экспозицию материала, так и в план Выставки»⁵⁷. Н. П. Никитиным 27 декабря 1928 г. были проведены занятия по подготовке к обслуживанию выставки руководителей экскурсионной базы⁵⁸. Все внешне шло к открытию, однако обстоятельства сложились иначе.

Уже 4 января 1929 г. состоялось заседание эконом-комиссии при месткоме № 627, на котором был заслушан протокол эконом-совещания работников Исаакиевского собора, выражавших «недоумение, почему выставка в Соборе до сих пор не открывается <...> и что если бы выставка была открыта к зимним каникулам, то за это время с посетителей была бы собрана значительная сумма денег»⁵⁹. Призванный отчитываться А. П. Удаленков, как заведующий ЛГРМ, сообщил комиссии, что собор попал в ведение ЛГРМ в июле 1928 г., когда предполагалось показывать его как исторический архитектурный памятник, с чем мастерские могли справиться самостоятельно. Первые месяцы ушли на получение необходимых материалов, что было сопряжено с серьезными трудностями. Когда для обсуждения выставки созвали специальное совещание, «тов. Каплан лично просил тов. Ятманова принять участие в обсуждении этого плана, но тов. Ятманов, по словам т. Никитина, не пожелал принять участие»⁶⁰. План Н. П. Никитина был утвержден⁶¹. Замечаний к выставке высказано не было, и комиссия Политпросвета разрешила открыть ее как временную, а для превращения в постоянно действующую посчитала необходимым «дополнить еще материал и дать ему соответственное освещение»⁶². Однако, когда А. П. Удаленков обратился к уполномоченному Народным комиссариатом просвещения Б. П. Позерну с просьбой открыть выставку, он внезапно узнал⁶³, что, по мнению

Ятманова, открывать ее нельзя, поскольку «находящиеся на выставке бюсты строителей (Брюллов, Монферран) и некоторые мозаичные иконы якобы придают выставке характер “паноптикума”»⁶⁴. А. П. Удаленков, по его собственным словам, с ноября фактически оказался отстранен от участия в работе над выставкой. Все контакты устанавливались напрямую между Г. С. Ятмановым (инспектором по музеям) и Н. П. Никитиным. В связи с этим А. П. Удаленков как «распорядитель кредитов» прекратил отпуск средств на выставку⁶⁵. Экономкомиссия посчитала задержку открытия выставки ненормальной и обратилась с просьбой к Б. П. Позерну о том, чтобы срочно созвать компетентную комиссию по этому вопросу, отмечая, что «задержка в открытии выставки к началу зимних каникул повлекла за собой ущерб НКП в размере не менее 2000 руб.»⁶⁶.

Новая комиссия, созданная Управлением уполномоченного НКП в Ленинграде, осмотрела выставку уже через несколько дней, 9 января 1929 г. На новом совещании присутствовали от самого управления И. И. Корель (председатель комиссии); Г. С. Ятманов; от отдела агитации, пропаганды и печати областного комитета ВКП(б) – Дулов; от ЛГРМ – А. П. Удаленков и Н. П. Никитин; от экономической комиссии – уполномоченные Управлением НКП Капман и Ромишевский; от местного комитета служащих – уполномоченный Управлением НКП Кочергина; от служащих Исаакиевского собора – Лобов, Неман и Поллер; от Академии художеств – хранитель музея В. Г. Самойлов и мозаичист В. А. Фролов; от Русского музея – Е. К. Мроз и Сизов; от государственного антирелигиозного музея – И. Трошин; от Центрального совета Союза воинствующих безбожников – Кандидов; от областного политпросвета – заведующий экскурсионной базой Чудаков, сотрудники базы Лeko и Чирсков; от культурного отдела Ленинградского областного совета профессиональных союзов – Шолохов⁶⁷.

На повестку дня Г. С. Ятманов попытался поставить вопросы о формах руководства посещениями собора и о целях выставки (специально-учебных или же массовых, культурно-просветительных), но они были отвергнуты И. И. Корелем как детали, которые преждевременно обсуждать⁶⁸. При-

⁵⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 4.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 4 об.

⁶² Там же. Л. 5.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 5 об.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 4.

⁶⁷ Там же. Л. 10.

⁶⁸ Там же.

сутствующие провели осмотр выставки и собора при объяснениях Н. П. Никитина и В. А. Фролова. После осмотра начался обмен мнениями. Чудаков вновь, как и в письменном отзыве, подчеркнул необходимость включения в состав выставки антирелигиозного материала и экспонатов, «рисующих историю собора как памятника царизма на фоне социально-экономической картины эпохи»⁶⁹. Ведь в «основе экскурсионного дела лежит задача обслуживания самых широких масс», а в данном виде собор не может быть включен в «сеть учреждений, служащих массовой политико-просветительной работе»⁷⁰. Чирсков поддержал мнение начальника и высказал пожелание «о проведении принципа противопоставления каждому художественному экспонату, эксп. антирелигиозного». К их мнению присоединились Б. П. Кандидов и Шолохов. Более нейтрально высказался Самойлов, отметивший «большую ценность собранного на выставке материала» и указавший на желательность скорейшего дополнения ее тем, что необходимо для массовой работы. Н. П. Никитин постарался опровергнуть обвинения в непонятности выставки, отметив, что «экспонаты специального характера разбавлены чисто показательными изображениями хода работ по постройке собора». Широкою заинтересованность масс посещением собора подтвердил Лобов, сообщивший о «постоянных, весьма настойчивых и многочисленных просьбах со стороны экскурсантов, посещающих вышку, о допущении в собор, независимо от выставки»⁷¹. Дело попытался спасти А. П. Удаленков, поставивший вопросы о возможности открытия собора без выставки или о возможности открытия выставки для специальных учебных групп. Однако это не помогло⁷².

На правах председателя Корель заявил, что полученные в ходе совещания материалы «послужат для обсуждения вопроса о выставке в решающих органах»⁷³. По итогам совещания было постановлено, что открытие собора без дополнительной экспозиции невозможно, ныне существующая выставка ценна и подлежит включению в будущий музей, но без специальных материалов, отвечающих «задачам массовой политико-просветительной работы»⁷⁴, она открыта быть не может. Дополнительный материал, по его словам, «надлежит организовать соответствующим учреждениям и лицам, т. к. это не входит в компетенцию ЛГРМ»⁷⁵. Кем именно яв-

лялись эти учреждения и лица, оставалось не вполне ясным.

Организаторы выставки, однако, не теряли надежду на ее открытие. После январского совещания в музей продолжали поступать экспонаты. Так, например, 15 января 1929 г. сроком на два месяца из фондов Ленинградского центрального исторического архива в ЛГРМ для выставки во временное пользование было выдано шесть единиц хранения (чертежи и планы), связанных с историей строительства собора⁷⁶.

Время шло, сроки, на которые предметы выдавались в новообразованный музей, заканчивались, а ситуация яснее не становилась. Свидетельств о том, что выставка была открыта, обнаружить не удалось. Материалы же, относящиеся к лету 1929 г., позволяют предполагать, что и к этому времени решающие органы никакого вердикта не вынесли.

Главнаука 21 июня 1929 г., отвечая на обращение уполномоченного НКП по Ленинграду, сообщила, что считает целесообразным выставку в соборе «развернуть как историко-производственную (в широком смысле) и политико-просветительную с антирелигиозным уклоном». Предлагалось показать условия труда «с выявлением в качестве контрастирующего момента современных форм охраны труда, его рационализации и пр.», а рассказ о самом строительстве здания вести, подчеркивая «моменты геологического и т. п. порядка, характеризующие образование горных пород, примененных в качестве материалов для постройки; этого рода моменты могли бы быть использованы для ознакомления с основами научного понимания происхождения Земли и ее истории, в качестве естественно-научных предпосылок для антирелигиозной пропаганды»⁷⁷. Главнаука планировала привлечь к этой работе Центральный музей по охране труда, Центральный институт труда, Государственный Дарвиновский музей и ряд других учреждений. А тем временем сотрудникам музея рекомендовалось начать соответствующие разыскания источников «в указанном выше разрезе»⁷⁸. Месяц спустя, в июле 1929 г., Главнаука уточняла, что если работы в соответствующем направлении не могут быть закончены в скором времени, то материалы, полученные на временную выставку, можно будет вернуть давшим их учреждениям⁷⁹.

⁶⁹ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

⁷⁰Там же.

⁷¹Там же.

⁷²Там же. Л. 12.

⁷³Там же.

⁷⁴Там же.

⁷⁵Там же. Л. 19–19 об.

⁷⁶Там же. Л. 21.

⁷⁷Там же.

⁷⁸Там же. Л. 22.

⁷⁹Там же. Л. 24.

В ответ на это уточнение, направленное в ЛГРМ, в Главнауку было отправлено достаточно резкое письмо, в котором сообщалось, что все московские рекомендации «не мог[и] иметь никаких последствий, т. к. музея б. Исаакиевского собора не существует как такового и никаких музейных сотрудников для этой цели не имеется. Здание находится в ведении ЛГРМ, но весь штат занят лишь на обслуживание вышки собора. На полученные от нее средства ведутся охрана и текущий ремонт собора»⁸⁰. Мастерская год назад «закончила не входящую в круг ее обязанностей подготовительную работу»⁸¹ по организации выставки. Дальнейшая работа, как следует из материалов совещания 9 января 1929 г., должна была быть передана другим лицам и учреждениям. Без четкого же понимания программы выставки невозможно решить, какие экспонаты следует оставить, а какие – вернуть. Управление НКП пригласило в конце января 1929 г. Трошина, Чирскова и Чуева для внесения под руководством Г. С. Ятманова соответствующих изменений в содержание выставки, но уже 8 марта того же года они были уволены, «не внося никаких дополнений»⁸².

Кроме концептуальных трудностей, открытию выставки для посетителей могло мешать и плачевное состояние, в котором собор оставила управлявшая им двадцатка. Ярким примером состояния, в котором находился в то время собор, может служить история мозаик, выполненных для третьего яруса главного иконостаса собора. В 1917 г. их привезли из Академии художеств в собор для установки⁸³. Община установить их не могла, поэтому 10 мозаик были сложены в штабеля на северном портике собора. Так как мозаики не были закреплены, смальта по краям оказалась утрачена, сохранились лишь центральные части. В отчетах музея начала 1930-х гг. (вероятно, со слов кого-то из служащих) констатировалось: «Смальта по краям мозаик была расхищена ребятами»⁸⁴. У верхней мозаики была утрачена и центральная фигура. В 1926 г. их передали обратно в Академию художеств⁸⁵. Уже в 1929 г. из-за протечек купола в левом

приделе собора имели место падения лепных карнизов и штукатурки⁸⁶.

Судя по тому, что перечень представленных на выставке экспонатов датируется августом 1929 г., к этому моменту они все еще находились в здании собора. Возможно, перечень был составлен как раз перед расформированием выставки и возвращением собранных для нее предметов на места первоначального хранения. Вместе с тем ряд из них до сих пор представлен в экспозиции музея «Исаакиевский собор»: модель лесов для установки колонн, деревянная модель Исаакиевского собора, модель разреза купола и бюст О. Монферрана вошли в фонды музея. Впрочем, когда музей в 1931 г. все же открылся для посетителей, центральными были отнюдь не указанные экспонаты, а установленный в центре собора маятник Фуко, опыт с которым доказывал вращение Земли. Однако это относится уже к следующему этапу истории музеефикации Исаакиевского собора.

Как видим, начальный этап музеефикации Исаакиевского собора оказался встроенным в сеть противоречий идеологического, академического и экономического характера. В формировании предметного ряда его первой выставки принимало участие несколько научных учреждений Ленинграда, а обсуждение концепции проходило с участием представителей академического сообщества, государственной власти, политико-просветительских учреждений и даже технических служащих собора. Все они являлись группами интересов, так или иначе влиявшими на формирование образа будущего музея. Несмотря на существенную критику со стороны групп, находившихся, казалось, в привилегированном положении, опорные элементы выставки сохранились практически в неизменном виде вплоть до настоящего времени. Представляется, что такая история позволяет увидеть в соборе не столько транслятора авторизованного дискурса власти, сколько рассредоточенный музей, сконструированный несколькими группами акторов, встроенных в сетевые отношения с предметами, имеющими собственную биографию.

Библиографические ссылки

1. Любезников ОА, Доник КВ. Завещание и смерть Огюста Монферрана: легенды и документы. *Клио*. 2015; 10(106):196–201.
2. Любезников ОА. *Исаакиевский собор: малоизученные вопросы истории создания храма*. Санкт-Петербург: Лема; 2015.
3. Финн Л, Трошин Н. *Из очага мракобесия в очаг культуры*. Ленинград: Прибой; 1931.
4. Доминов МШ, Окунев СН. Государственный музей «Исаакиевский собор». Этапы исторической хронологии. В: Бутиков ГП, редактор. *Музеи России: поиски, исследования, опыт работы*. Выпуск 6. Санкт-Петербург: Ассоциация музеев России; 2001. с. 3–6.

⁸⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Д. 6. Л. 21 об.

⁸³ Там же. Л. 19.

⁸⁴ Там же. Л. 21 об.

⁸⁵ Там же. Л. 21.

⁸⁶ Там же.

References

1. Ljubeznikov OA, Donik KV. [Testament and death of Auguste Montferrand: legends and documents]. *Klio*. 2015; 10(106):196–201. Russian.
2. Ljubeznikov OA. *Isaakievskii sobor: maloizuchennye voprosy istorii sozdaniya khrama* [St. Isaac Cathedral: the poorly studied issues of the creation of cathedral]. Saint Petersburg: Lema; 2015. Russian.
3. Finn L, Troshin N. *Iz ochaga mrakobesiya v ochag kul'tury* [From the source of obscurantism to the source of culture]. Leningrad: Priboy; 1931. Russian.
4. Dominov MSh, Okunev SN. [The state museum St. Isaac Cathedral. Main points of Historical chronology]. In: Butikov GP, editor. *Muzei Rossii: poiski, issledovaniya, opyt raboty. Vypusk 6* [Museums of Russia: searches, research, experience. Issue 6]. Saint Petersburg: Association of museums of Russia; 2001. p. 3–6. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.11.2018.
Received by editorial board 10.11.2018.